

УДК 811. 161. 1

ЛИРИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ И.А. БУНИНА В АЛЬМАНАХЕ «ЭПОХА»

СЛИНЬКО Марина Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье впервые рассматриваются опубликованные в альманахе «Эпоха» стихотворения И.А. Бунина как лирический триптих. Делается вывод о том, что подобная композиционная структура позволяет отразить как злободневные аспекты повседневности революционного времени, так и вечные проблемы, связанные с мироощущением поэта. Выявлена динамика творчества И.А. Бунина, соответствующая определенной эпохе, проявляющая себя контекстно, в том числе через трансформацию поэтических текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: альманах «Эпоха», И.А. Бунин, лирический триптих, динамика творчества, трансформация поэтических текстов.

LYRICAL TRIPTYCH BY I.A. BUNIN IN THE ALMANAC "EPOCH"

SLINKO M.A.,

Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article first discusses I.A. Bunin's poem, published in the anthology "Epoch" as a lyrical triptych. It is concluded that such a compositional structure allows to reflect both the topical aspects of the everyday life of a revolutionary time, and the eternal problems associated with the attitude of the poet. The dynamics of I.A. Bunin's creativity, corresponding to a certain epoch, manifesting itself contextually, including the transformation of poetic texts, is revealed.

KEY WORDS: Almanac "Epoch", I.A. Bunin, lyrical triptych, creativity dynamics, transformation of poetic texts.

Альманах «Эпоха» увидел свет сто лет назад в поворотном для истории России 1918 году. Новая власть сосредоточила силы на вопросах ликвидации старой и налаживании собственной издательской системы. Происходящее преломляет, например, судьба московского «Товарищества скоропечатания А.А. Левенсонъ» – одной из известных и лучших типографий и издательств в России конца XIX – начала XX века, под логотипом которой вышел альманах «Эпоха» [1, с. 3]. Официально типография после Октябрьской революции была национализирована, но, как видим, еще в 1918 году выходила ее продукция.

Социокультурные процессы, проявляющиеся в издательском деле, привлекают внимание историков литературы, т.к. позволяют отследить локальные факты литературного процесса того времени, что немаловажно для уточнения фактов творчества того или иного художника слова.

В центре внимания данной статьи – стихотворения И.А. Бунина, опубликованные в альманахе, которые впервые в литературоведении рассматриваются как лирический триптих.

В «Эпохе» были представлены авторы модернистского толка. Поэтическая часть издания («Книга первая»), кроме произведений Бунина, включала стихотворения мэтров символизма – Андрея Белого, Александра Блока, В. Брюсова, В. Ходасевича, В. Ропшина.

Бунин предложил для альманаха три стихотворения 1917 года, которые были опубликованы

впервые: «Могила», «Август», «Настанет ночь моя, ночь долгая немая» [1, с. 23–25].

Первое стихотворение «Могила» датировано автором 24.09.1917 г. [2, с. 445]. Оно, как и последующие, содержит типичный для бунинской поэтики набор образов, задает шкалу ценностных координат, утверждая ценность земного бытия и времени как части его составляющей.

В стихотворении важен именно механизм памяти, дарующий изменяющемуся во времени субъекту «Царство радостных грез». Пробудить память позволяет мир природы – «летний ветер», «зелень длинных ветвей» [1, с. 23]. Пейзажу в поэтике Бунина отведена особая роль, о природе которой не перестают дискутировать исследователи (см. работы С.Л. Франка, Ф.А. Степуна, С.Г. Семеновой, О.А. Бердникова и др.). Интересно о нюансах бунинского мировоззрения в восприятии природного мира размышляет О.А. Бердникова, опираясь на работы М. Хайдеггера: «Применительно к Бунину само понятие «мировоззрение» возвращает себе первоначальный смысл, о котором вспоминает М. Хайдеггер», «мировоззрение в смысле рассматривания чувственно данного мира, мировоззрение как простое восприятие природы в широчайшем смысле» [3, с. 29]. Выстраивается система оппозиций: «прошлому» («свет улыбки твоей», «сияющий взор», «молодое», «былое») противостоят «настоящему» («мир этого дня») и будущее («мир круга земного», «погост», «могила», «кости», «плита», «распятие»). Прошлое и будущее не привлекают лирического субъекта, об этом свидетельствует повторяющийся ряд отрицаний, завершающийся горьким признанием: «Молодого, белого / Нет давно и меня!». Жизнь сердца открывает ценность бытия земного для субъекта стихотворения. Не случайно

© Слинко М.А., 2018

Информация для связи с авторами: lokos1k@yandex.ru

позже появится формула любви, обозначенная новым заголовком стихотворения «Свет незакатный». Это сразу изменит отрицательную коннотацию первичного названия стихотворения («Могилы») на положительную при переименовании («Свет незакатный»), таким образом, появится возможность иной интерпретации стихотворения.

Следующее стихотворение «Август» датировано 29.08.1917 г. [2, с. 441], оно продолжает трагическое размышление о бренности человеческого существования. Календарные стихи у Бунина часто имеют сакральное звучание, не случайно позже поэт уберет заголовок «Август», возможно, так как он не отражает важных для автора смысловых аспектов; стихотворение станет называться по первой строке – «Как много звезд на тусклой синеве!». Как это часто происходит в поэтике Бунина, описано «свое» окультуренное пространство (сад, балкон – приметы дворянской усадьбы) и «чужое» бесконечное пространство (степь, море, небо). Но понятия «свое» и «чужое» относительно, это элементы всеобъемлющего «мира». На этот аспект бунинского творчества обращала внимание О.А. Бердникова: «Контекстуально значение этого слова... свидетельствует о безупречном языковом чутье художника, умеющего в словах видеть их глубинные смыслы. По Далю, который опирается на формулу Хомякова «мир» – «вещество в пространстве и сила во времени», в славянской традиции – «неизмеримое пространство воздуха», «весь свет, вся вселенная со всеми содержащимися в ней светилами, небом и землей» [3, с. 30].

Как и в других стихотворениях, в «Августе» создается бытийная ситуация ощущения Бога в мире: «Весь мир молчит – затем, / Что в мире Бог» [1, с. 24].

Небо становится «точкой отсчета», как справедливо отмечает О.А. Бердникова, во многих стихотворениях поэта, не исключение и стихотворения, помещенные в альманахе – «Август» и «Настанет ночь моя, ночь долгая немая». По наблюдениям ученого, чаще «взгляд созерцающего мир субъекта направлен у Бунина сверху вниз» [3, с. 45], но в разбираемых стихотворениях это не так. Субъект смотрит снизу вверх. Ему дорого земное бытие.

В результате первое же утверждение в «Августе» противоречиво. Красота далекого небосклона нерадостна, что подчеркивают эпитеты: «Как много звезд на ТУСКЛОЙ синеве!», «небосклон в их ТРАУРНОМ уборе» (*выделено мной – М.С.*). Окружающий пейзаж рождает вселенскую тоску: «степь выжжена», «чернеет сад», «мир молчит», «Бог от века нем», «в мире жизни нет», «Бог не жизнь», «Он страшен». Бог в человеке: «Он разум мой», «мне чуждый», потому что «разум мой не любит ничего». Надо всем довлеет Бог и Немота как главный его атрибут, что подчеркнуто графически прописными буквами. «Разум» контекстно отрицает любовь. Круг жизни связан календарным земным циклом. Хотя, судя по заголовку, описан последний летний месяц, появляются осенние мотивы, что подчеркивает бренность земного существования («Я, столь чувствующий землю / В ее осенней теплоте»). «Теплое» пространство дома («камень теплового балкона») и шире – земли как дома человеческого превращаются в нечто иное, о чем прямо человек не в силах сказать: «И это я и должен и не смею сказать себе: ты будешь ею» (*землей – М.С.*). В стихотворении возникает субъективная оценка, выражающаяся в оппозиции переходящее/вечное.

«Земная жизнь» (эмпирическая часть «Я» – «любобью полный»; «чувствующий землю», «тепло»: земля в «ее осенней сладкой теплоте», «камень теплового балкона») и всеобъемлющий Бог в «Его пустой холодной Немоте», с акцентом на рациональном (повторимся: «Он разум мой», «мне чуждый», потому что «разум мой не любит ничего»), дарующий земле «МОГИЛЬНО» «бледный свет» (*выделено мной – М.С.*). Так возникает связь с первым стихотворением триптиха «Могилы». Человек ощущает холод пустоты (вечности), неохотно подчиняется неизбежным божественным законам.

Третье стихотворение «Настанет ночь моя, ночь долгая немая» – о движении и единстве бытия земного и небесного – в альманахе опубликовано без названия, датировано 15.09. 1917 г. [2, с. 442], в поздних публикациях выходит под заголовком «Луна». Здесь находит развитие мотив немоты, важный для триптиха. Но если в предыдущем стихотворении – нем Бог, рождающий мировое молчание, то здесь немая ночь связана только с субъектом, на что указывает инверсия «ночь МОЯ» (*выделено мной – М.С.*), заметим – «ночь долгая», значит, не вечная, что дарует надежду на новый день. Если в предыдущем стихотворении Бог – «не жизнь», тайна – «Кто он, несметный днями?», страшный человека («Страшен мне. Он слишком величав / И слишком необъятен»), в заключительном стихотворении триптиха предстает «Господь, творящий чудеса» [1, с. 25]. Этапы жизнь человека опять описаны через временной цикл: день и ночь. Тот факт, что «День мой догорел» не рождает в субъекте ни страха, ни горечи. По велению Господа «светило новое» – Луна – несет миру «весть» вечного присутствия субъекта в мире: «след мой в мире – есть». Значимость небесных сил подчеркнута графически (Господь и Луна выделены заглавными буквами). Так снимаются все предыдущие оппозиции триптиха и утверждается целесообразность существования Бога, мира и человека.

В последующие годы стихи были переименованы, другая структура, композиция сборников и книг поэта давала возможность иной трактовки вечно ускользающего и расширяющегося смысла творчества, рождающего дискуссии среди критиков и литературоведов. С этой точки зрения интересна дальнейшая история стихотворений. Все они были переименованы. Наибольшие изменения претерпело второе стихотворение триптиха «Август», о чем сообщается в бунинском томе «Литературного наследия»: «В той же редакции стихотворение было опубликовано в книге: Иван Бунин. Роза Иерихона. – Берлин, 1924. Позднее Бунин отказался от названия, отбросил две завершающие строфы и в таком виде включил в сборник: Избранные стихи. – Париж, 1929. В этой редакции стихотворение напечатано в Собр. соч. 1965–1967 (т. 1, с. 441; завершающие строфы включены в отдел «Из ранних редакций» – с. 499). В 1952 г. Бунин восстановил первоначальный текст, включив «Август» в состав рукописи своего последнего сборника, что дает право считать первоначальную редакцию вместе с тем и окончательной. В печатный текст сборника (Нью-Йорк, 1953) «Август» не вошел» [4, с. 201]. Добавим, что не только отбросил две завершающие строфы, но и изменил две последние строки второй строфы, что в корне поменяло настроение и смысл произведения.

Сравним редакции стихотворения:

В первой и последней редакции (*изменения выделены мной – М.С.*):

Как много звезд на тусклой синеве!
Весь небосклон в их траурном уборе.
Степь выжжена. Густая пыль в траве.
Чернеет сад. За ним – обрывы, море.
Оно молчит. Весь мир молчит – затем,
Что в мире бог, а Бог от века нем.

Сажусь на камень теплого балкона.
Он озарен могильно – бледный свет
Разлит от звезд. Не слышно даже звона
Ночных цикад... Да, в мире жизни нет.
Есть только Бог над горными огнями,
Но Бог не жизнь... Кто Он, несметный днями?

Далее идут строфы, отсутствующие в промежуточной редакции:

**Он страшен мне. Он слишком величав
И слишком необъятен. Он молчанье,
Он штиль морей и пыль сожженных трав,
Он черный сад и бледных звезд сиянье.
Он разум мой, мне чуждый, – оттого,
Что разум мой не любит ничего.**

**И это я, столь чувствующий землю
В ее осенней сладкой теплоте.
И это я, любовью полный внемлю
Его пустой холодной Немоте!
И это я и должен, и не смею
Сказать себе: ты будешь, будешь ею.**

В промежуточной редакции:
Как много звезд на тусклой синеве!
Весь небосклон в их траурном уборе.
Степь выжжена. Густая пыль в траве.
Чернеет сад. За ним – обрывы, море.
Оно молчит. Весь мир молчит – затем,
Что в мире Бог, а Бог от века нем.

Сажусь на камень теплого балкона.
Он озарен могильно, – бледный свет
Разлит от звезд. Не слышно даже звона
Ночных цикад... Да, в мире жизни нет.
Есть только Бог над горными огнями,
Есть только Он, несметный, ветхий днями.

Ф.А. Степун на основе стихотворения «Август» построил антропологическую концепцию, на которую опирается часть исследователей лирики Бунина: трагизм существования человека в том, что Бог не отвечает на «наши вопросы», «бессмысленность мира, в сущности, не преодолевается, но лишь обретает ту предельную глубину, которую Бунин ощущает то древним ужасом, то вечной красотой!» [3, с. 69]. Представляется, Ф.А. Степун пользовался ранней редакцией, в которой стихотворение состояло из четырех строф (как в первой публикации). Позже Бунин убирает строки, в которых обнажен метафизический «древний ужас» перед вечностью, появляются другие толкования.

Современный исследователь творчества Бунина О.А. Бердникова акцентирует внимание на других аспектах, т.к. работает с промежуточной редакцией произведения (в стихотворении остаются только две первые строфы). С одной стороны, отмечается злободневность произведения – «в нем отразились переживания Буниным «ужасов» того времени». Ду-

мается, для социологического подхода конкретного материала нет, это только гипотеза, построенная на ассоциациях. С другой стороны, многие современные буниноведы (О.А. Бердникова, К.В. Копейкин, Т.И. Сильман) справедливо подчеркивают, что тишина становится формой присутствия в мире Бога и символизирует Его невмешательство в земную жизнь [3, с. 69–70]. Единственным живоносным источником становится Бог, на это указывает смысловой стык (наблюдение Т.И. Сильман): «эмпирическая» часть промежуточной редакции заканчивается утверждением субъекта о том, что «жизни нет», в обобщающей части повтор слова «есть» свидетельствует об ином: «Есть только Бог», «Есть только Он», что позволяет сделать вывод, что «Его божественная сущность совпадает с существованием» [3, с. 69–72]. Но в первой редакции отсутствует лексический повтор, построенный на утверждении. Идея божественного предопределения существует во всех редакциях, но переакцентировка смысла промежуточной редакции лишена трагизма в отличие от первой.

Надо отдать должное исследовательскому чутью О.А. Бердниковой, которая уловила взаимосвязь промежуточной редакции стихотворения «Так много звезд на тусклой синеве» и завершающего триптиха стихотворения «Настанет ночь моя, ночь долгая немая...». Исследователь работает с более поздней редакцией, где появляются заглавие «Луна» и графические выделения суточного цикла «Ночь» и «День». Ученый рассматривает эти произведения как диптих. Правда, ее интерпретация частично отличается от той, которая представлена в данной работе (мы считаем, что «немота» свойственна лирическому субъекту – «ночь моя», Бердникова же говорит о «немоте ночного мира»). Важным видится утверждение ученого о том, что стихотворение «может быть осмыслено как размышление Бунина по мотивам Псалтыря, где «Бог, творящий чудеса» – сквозной образ. В сознании и псалмопевца, и Бунина чудом является «дарованный Творцом человеку Божественный порядок мироздания» [3, с. 71]. Таким образом, здесь имплицитно проявляется вера в Любовь Господа к человеку и миру, в которой отказывал Богу герой второго стихотворения триптиха.

Остаются вопросы: почему, когда Бунин готовил последний сборник стихотворений, в рукописи он снова вернулся к первоначальному тексту стихотворения «Август». Возможно, ему были дороги воспоминания именно об этих днях? С другой стороны, в сам сборник это стихотворение все-таки не вошло, в силу каких причин? Почему Бунин не сохранил порядок стихотворений, опубликованных в альманахе «Эпоха» в дальнейших сборниках?

Поэтическая антология в альманахе 1918 года дает ощутить дух времени столетие назад, реконструировать мысли и чувства, которые были тогда свойственны поэтам и составили эпоху. Символисты часто приглашали Бунина в свои издания, хотя Бунин не раз подчеркивал свою чуждость поэтологическим и антропологическим тенденциям этого направления. Вместе с тем он, как и символисты, был воспитан в русле отечественной культурной и духовной традиции, которая с приходом новой власти утрачивала свои позиции и приобретала другие формы быта и бытия, консолидировала поэтов разных школ. В стихотворениях триптиха виден сложный путь человека к признанию целесообразности бытия; если рассматривать стихотворения

отдельно друг от друга, эта динамика не проявлена столь четко. В триптихе акцентируется внимание на особых взаимоотношениях человека / природы / Бога, их единство рождает гармонию человека и

мира, бытийное превалирует над социальным и бытовым в поэзии Бунина сложного революционного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эпоха. Книга первая [Текст]. – М. : Товарищество скоропечатания А.А. ЛЕВЕНСОНЪ, 1918. – 252 с.
2. Бунин, И.А. Собр. соч. : в 9 тт. [Текст] / И.А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1965. – Т. 1. – 596 с.
3. Бердникова, О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...»: творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции [Текст] / О.А. Бердникова. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. – 272 с.
4. Литературное наследство. Иван Бунин : в 2-х кн. / гл. ред. В.Р. Щербина. – М. : Наука, 1973. – Т. 84. – Кн. 2. – 551 с.